

териальное вознаграждение, бесплатное оказание услуг, подлежащих оплате, освобождение от материальных затрат (прощение долга).

Таким образом, исследование содержания квалифицирующих признаков позволяет сделать вывод о особой роли дифферен-

циации уголовной ответственности при захвате заложника при отягчающих обстоятельствах, их правоприменительном значении при квалификации преступлений и индивидуализации уголовной ответственности при назначении наказания.

Кузнецова Д.А.

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА КРИМИНАЛИЗАЦИИ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТРУМЕНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

На протяжении многих десятилетий проблема противодействия наркоугрозе не теряет актуальности как для отечественного, так и зарубежного законодателя. Идеи противодействия в указанном сегменте отражены в базовых стратегиях и концепциях государственной политики в целом¹. Факт масштабного немедицинского употребления и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (далее – НС и ПВ) среди населения как косвенно, так и напрямую нашел свое деструктивное отражение. Общественная опасность наркопотребления проявлена в первую очередь в причинении вреда здоровью населения (как физическому, так и психическому), в привлечении новых лиц к потреблению и распространению запрещенных НС и ПВ, криминализации широкого круга общественных отношений, в повышении концентрации социальной напряженности среди законопослушного населения страны, расширении фактов коррупционных связей в органах государственной власти, подрыве авторитета государства.

Так, в 2023 г. за незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами (ст. 228-233 УК РФ) судами были рассмотрены 74 514 уголовных дел в отношении 80 170 лиц. По аналогичным показателям пятью годами ранее, в 2019 г.,

судами были рассмотрены 79 900 уголовных дел в отношении 84 216 лиц².

Представленные статистические данные отражают весьма позитивную динамику, направленную на снижение количества направленных в суд уголовных дел, и лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере НС и ПВ. Однако с учетом диверсификации маршрутов наркотрафика, перестройки российского нарко рынка в сторону увеличения высоконцентрируемых наркотических средств и бесконтактного способа их сбыта можно предположить высокий уровень неучтенных официальной статистикой преступлений³.

В уголовно-правовой политике фокус внимания законодателя и правоприменителя на сегодняшний день приоритетным образом сосредоточен на преступности и преступниках. В наркобизнесе не работает классический закон функционирования и развития экономики «спрос рождает предложение», он обратный – «предложение рождает спрос», за счет чего и увеличивается наркосеть. Строгое отношение законодателя к любой форме прикосновенности к преступлению, связанного с незаконным оборотом наркотиков, отчетливо прослеживается через суровые санкции за данные уголовно-наказуемые деяния.

Все же, на наш взгляд, недооценена общественная опасность такой противоправной

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. : Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

² Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. URL: <https://stat.апи-пресс.рф>. (дата обращения: 10.01.2025).

³ Витовская Е.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Новокузнецк, 2023. 233 с.

формы поведения как немедицинское потребление НС и ПВ.

Представляет интерес модель уровневой структуры общественной опасности, предложенная А.Г. Антоновым, состоящая из трех уровней: первый – общая общественная опасность, второй – прецедентная общественная опасность, третий – кумулятивная общественная опасность (вектор опасности направлен не только на родственные общественные отношения, но и на иные отношения)¹.

Исследуемая проблематика в контексте общественной опасности немедицинского потребления НС и ПВ, на наш взгляд, относится к третьему уровню, является «прогрессирующей» и не ограничивается нарушением правил законного потребления, она проявляется также в высокой потенциальной угрозе причинения вреда другим общественным отношениям, как внутри видового объекта, так и за его пределами. То есть потенциал общественной опасности не исчерпывается до конца, а развивается в динамике. В действительности опасность, созданная в новом кругу общественных отношений, может быть более серьезная, чем исходное противоправное поведение. Кроме того, одним из проявлений общественной опасности является способность к самовоспроизводству, так как лица, являющиеся субъектами потребления НС и ПВ заинтересованы в расширении наркосети.

Необходимо признать факт потребности общества в качественном реформировании правового регулирования борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота НС и ПВ.

Уголовно-правовая политика выступает фундаментом уголовной политики, реализация которой в том числе осуществляется посредством такого правового инструмента, как криминализация. Важнейшее свойство, которое должно быть использовано для построения правовой конструкции системы мер уголовно-правового запрета является степень общественной опасности противоправной формы поведения². Криминализация немедицинского наркопотребления будет являться сдерживающим фактором для потенциальных новых потребителей, то есть тех лиц, кто

еще способен к анализу, оценке и руководству своими действиями.

Российская Федерация презентует себя на арене международного политического пространства и внутри собственных границ, как сильное государство. Как следует из публичных выступлений политического руководства специфика сильного государства предполагает увеличение сферы влияния государства, усиление его мощи, защиту консервативных ценностей и суверенитета. Сильное же государство должно придерживаться курса сильной, вариативно-строгой уголовно-правовой стратегии и тактики по ее реализации.

Позволим себе отчасти не согласиться с исследователями, которые свой отказ от криминализации наркопотребления аргументируют ссылкой на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»³. Очевидно, что проблема наркопотребления стремительно масштабируется и уже вышла за рамки личного пространства отдельного индивида. Как следствие подвержены деструктивной трансформации базовые институты общественных отношений: от генфонда нации в целом до разрушения духовно-нравственных основ и правил социального общежития (девальвация института семьи и брака, созидательного труда, патриотизма, преемственности поколений). Кроме того, исследуемый факт влечет за собой реальную угрозу для собственной жизни и здоровья наркопотребителя, потенциально высокую общественную опасность от субъекта для третьих лиц – вот лишь немногие аргументы, подтверждающие наличие общественной опасности в немедицинском потреблении НС и ПВ. Таким образом, признание факта наличия общественной опасности в немедицинском потреблении НС и ПВ исключает формально-логический конфликт с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, на которую ссылаются авторы в исследованиях, посвящен-

¹ Антонов А.Г. К вопросу о содержании и видах общественной опасности преступления // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 11.

² Шевелева С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 106-123.

³ Любавина М.А. К вопросу о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ // КриминалистЪ. 2013. № 2 (13). С. 84-90.

ных правовым дискуссиям о криминализации наркопотребления.

Исходя из изложенного, в целях оптимизации правового регулирования, направленного на сдерживание наркоугрозы, целесообразно рассмотреть возможность внесения в область уголовно-правового запрета немедицинское потребление НС и ПВ.

Безусловно, внедрение предложенной инициативы представляет сложную организационную, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную задачу, требующую высоких материальных и интеллектуальных затрат на реализацию и привлечение многих гражданских институтов. Изменение некоторых норм уголовного

закона неизбежно будет сопряжено с изменениями коррелирующих законов, которые регламентируют исследуемый сегмент правоотношений.

Указанные процедурные издержки не могут не смутить законодателя при принятии решения о внесении изменений в УК РФ в предложенном контексте. Однако те ресурсные и собственные репутационные потери, которые несет государство, не расширяя инструменты правового регулирования по противодействию наркоугрозе, могут негативно отразиться на депопуляции населения, увеличении уровня социальной напряженности среди граждан и подрыве авторитета государственной власти.

Гуралев А.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

В основе социальной обусловленности уголовно-правового запрета на незаконный оборот наркотиков лежит защита государственных, общественных и индивидуальных интересов, которые подрываются данным видом преступной деятельности. Такой запрет направлен на минимизацию целого комплекса негативных последствий, связанных с немедицинским потреблением и распространением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В основе уголовно-правового запрета лежит такая основополагающая категория, как общественная опасность¹.

Прежде всего необходимо разобраться с содержанием термина «уголовно-правовой запрет». Как отмечает С.А. Маркунцов, «уголовно-правовой запрет имеет двойственную социально-правовую природу. С одной стороны – это формальное государственно-властное веление нормативного характера, а с другой – нормативно-правовое предписание, законодательная конструкция, закрепляющая все возможные варианты (модели) преступного поведения»².

Попытаемся разобраться в том, что же предшествует установлению уголовно-правового запрета. Так, И.М. Гальперин, в числе прочих, выделял следующие предпосылки и факторы, которые следует учитывать для принятия решения о введении уголовной ответственности: распространенность конкретных деяний и оценка их типичности; динамика совершения деяний с учетом причин и условий, их порождающих; определение причиняемого такими деяниями материального и морального ущерба; степень эффективности борьбы с ними как посредством права, так и посредством иных форм; установление наиболее типичных и опасных объективных и субъективных признаков деяний³.

Как справедливо отмечал П.С. Тоболкин, «проблема социальной обусловленности уголовно-правовых норм заключается в раскрытии экономических, политических, психологических, нравственных и иных факторов, вызывающих необходимость существования норм уголовного права, и прогнозирования их развития»⁴.

¹ Мальков С.М. Уголовная ответственность за дезертирство : учебное пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2010. С. 8-9.

² Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 373-374.

³ Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1975. С. 53.

⁴ Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. С. 7.